

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НООСФЕРА

Глобализация, все большее стяжение мира западным обручем единой экономической, финансовой, политической, информационной системы, захватывает мир в своих ценностях, императивах, стратегиях действия. Захватывает и умы – целой *индустрией* книг, коллективных сборников, трудов конференций; на разнообразных интеллектуальных толковищах речь только и идет о глобализации, о «глобализации и...» (от национальной экономики и политики до культуры и фольклора...). Россия, эта *страна-континент*, средостение и посредник двух миров – Востока и Запада, до сих пор пространственно самая большая страна мира, как бы сейчас ни была она обкусана по своим западным и южным бокам, всегда осознавала себя, свой путь и миссию в некоем универсальном смысле. То как «Третий Рим», православную державу с особым инстинктом собирания земель и народов, который лучшие умы раскрывали в высоком общемировом смысле: так Достоевский видел в славянском единстве «лишь первое собирание», расширяющееся затем «на всю Европу и мир как христианство», имея в виду, разумеется, не планетарное завоевание и господство, а торжество христианского дела и идеала. Это дело, касающегося всех и каждого землянина, было раскрыто Николаем Федоровым, другими мыслителями активного христианства (Вл. Соловьевым, С. Булгаковым, Н. Бердяевым и др.) как свершение Богочеловеческое, направленное на регуляцию стихийных, смертоносных сил падшего мира, на преобразование несовершенной смертной человеческой природы в бессмертную и обоженную. Человечество в нем становится орудием осуществления Божьей воли, действует с благодатной Ее помощью. Да, конечно все эти построения остались пока лишь как *проект* в духовной, не вышедшей в жизнь, в *акт*, национальной сокровищнице. Да, они прямо не одушевляли русскую православную монархию, но пока за ней стояла, пусть ею глубоко, до конца не осознанная вселенская идея, Россия была сильна и влиятельна в мире, хотя неизбежно и пала под революционным молотом вследствие непроясненности своей идеи, частичной и дефектно-искаженной ее реализации.

Второй, еще у многих на собственной памяти опыт построения великой цивилизации удался, увы, всего на семь десятилетий – глубинных пороков идеала, ошибок и преступлений здесь оказалось достаточно для критической массы ее краха. Но признаем, пусть временный, но фантастический рывок по шкале успеха *мира сего* (одна из двух мировых сверхдержав, со своим военно-политическим блоком государств и огромной сферой влияния на всех континентах) стал возможен благодаря тому, что идеология ее несла в себе некую, пусть опять же усеченную и дефектную, *универсальность*, касалась опять же всего мира, точнее значительной части его рабочего населения, бедных и униженных слоев. То есть мысль моя такова: наша страна может претендовать на мировую роль, может вновь привлечь к себе страны и народы лишь при наличии у нее великой, насущно-привлекательной идеи, «творческой идеи России», как выразался Иван Ильин, если она сумеет выдвинуть альтернативу тому фундаментальному выбору ценностей, который лежит в основе современной глобализации.

Глобализация, казалось бы, несет в себе идею и задание, и реализацию некоего единого мира. Но какого? Мир как *единый рынок*, рынок труда, финансов, товаров, услуг, образования, массовой культуры, где выигрывают наиболее успешные его агенты, торжествует западно-цивилизационный и корпоративный эгоизм при достаточно спокойном приятии факта упадка или гибели неуспешных, неумелых, неприспособленных под законным, *исторически обусловленным*, глобалистским катком. Причем, в эту *стружку, усушку и утруску* попадают отдельные сословия и уклады, прежде всего традиционно-сельский, а то и целые народы и регионы. О симптомах этого нового цивилизационного расизма писал уже Александр Панарин. Действительно,

гуманистический идеал Нового времени, проект Просвещения и Модерна, при всех его изъянах, глядел в горизонт единого человечества, неуклонно прогрессирующего к некоему более-менее гармоническому всеобщему состоянию. Сейчас этот западный идеал сильно похудел, можно сказать, дистрофически ужался и дегенерировал, вновь вылезло старое, хоть и под толстым слоем обманно-эстетической косметики, социал-дарвинистское мурло – появились превзысканные сыны либерального прогресса, его уверенные лидеры, его *ведущие*, а с другой стороны, *ведомые*, вольно-невольные вовлекаемые и влекомые железной рукой якобы неотменимой объективности, и, наконец, непослушные, опасные изгои, достойные крайних мер *цивилизационной защиты*. Много говорят о глобализации как о стихийном (читай: неотвратимом) процессе снятия национальных, государственных барьеров в объединении экономик в одну мировую систему, в движении капитала, технологий, информации. В тени остается другой, вполне волевой, четко направленный процесс: *подкупающее* воздействие на местные управляющие элиты, тщательно разработанные техники манипулирования сознанием массы (электората) стран и народов, кому предоставлена участь быть донорами «передовых», эффективных лидеров глобализации.

Вновь отчетливо проступает исходная религиозная матрица, протестантско-кальвинистская схема, по которой, как уже не раз отмечалось, и мог некогда успешно состояться западный капитализм: речь идет о якобы изначальном и неотменимом Божественном предопределении кого-то к спасению, а кого-то к гибели, так что можно было со спокойно закрытым сердцем к страданиям всех неудачников, слабых, ленивых, недостойных потеснять и давить их на пути к собственной «метафизически» заслуженной экономической и жизненной победе. И сейчас в глубине души (разумеется, публично не высказываемой) именно западная цивилизация считает себя полным числом такой *избранной к спасению*, и в какой-то дробе тех, кто за ней поспевает, или точнее, будет покорнее и эффективнее служить ее процветанию – природными, энергетическими ресурсами, дешевой рабочей силой, предоставляемым пространством для ее геополитических нужд, для эвакуации туда опасных отходов, грязных технологий...

Поставим вопрос: остается ли религия для современного мира высшим ценностным, *идеальным* вектором, как это ей присуще по самой ее природе? Казалось бы, современный мир устроился на сугубо секулярных, плюралистических началах – как известно, даже из конституции Европейского союза изъят очевидный пункт о христианских основах западной цивилизации. Но всем известны боги, точнее идолы общества, недаром, названного потребительским: экономика, деньги, власть, жизненный успех, довольство и комфорт, индивидуализм, свобода, права личности... Кстати, все мы помним, казалось бы, нерасторжимую триаду: *свобода – равенство – братство*, с которой горделиво началась буржуазно-либеральная эра. Сейчас же одна *свобода* осталась самым громким и напористым слоганом на знамени либерально-демократических ценностей, с сознанием своего священного права идущей экспансией на весь мир, и посягнуть на эту высшую ценность, на это божество расценивается как кощунство и мракобесие: «Вы что против свободы?!» Но эта святыня начисто забыла о своих когда-то единоутробных братьях: *равенстве и братстве*, и без них она, пустая и бесплодная, в манящем пакете прелестей западной цивилизации (вкуче с «правами человека», свободой выбора и т. д.) нередко оборачивается чертовой мощной, из которой золотые монеты обещанных реальных благ сыпятся пожухлыми листьями.

Соблазняя и разрушая традиционные нравственные устои – на потребу глобализации – свобода в своем «сакральном», оправдывающем всё и вся ореоле работает безотказно, открывая шлюзы низменных инстинктов: разнузданно сексуальных, вытесняюще убийственных, эгоистически циничных. Тут мы и нащупываем тот крючок, которым зацепляет человека «свободный» потребительский идеал, а он в наше время включает и предельное раскрепощение тела, убаживание всех его рецепторов, максимальную эксплуатацию сладостей и острых ощущений, предоставленных

человеческим естеством и его извращением, и уютное устройство на краткое время живота, и азарт беспощадной борьбы с ближним и дальним, и свободное экспериментирование с собственной жизнью и природой, развитие ее во все стороны, вплоть до самых сомнительных и демонических. Как не вспомнить пронизательнейшее замечание Достоевского о том, что безрелигиозная западная цивилизация «вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше».

Недаром еще воцарение капитализма было воспринято наиболее чуткими его критиками как своего рода *второе грехопадение* рода людского. В первом, библейском, *падении* Господь, как мы помним, в наказание отлучает наших прародителей от райской жизни, бросает их в смертную земную юдоль, преградив путь к эдемскому *древу жизни*, дабы не восполнили они тут же утраченное, не обрели «бесплатной» вечной жизни. Во втором же, реально-историческом, – люди вообще махнули рукой на такое стремление, отказались идти тернистым путем искупления и преображения своего смертного и смертоносного греховного естества к древу бессмертия и высшей природы. *Второе грехопадение* тождественно полной секуляризации человека, утверждению принципиальной *отмирности* его жизни, неоязыческому идеалу окончательного устройства в рамках и пределах смертной, страстно-самостной, *падшей* его природы. «Мануфактурно-промышленное» неоязычество, культ «мануфактурных игрушек» служит все тем же языческим богам эроса, торговли и войны... (новой Венере, Гермесу и Марсу...), любым страстям и порокам человека, выбравшего, по выражению Федорова, «последнюю целью жизнь для себя, для настоящего, для комфорта».

Тот или иной религиозный или, если хотите, псевдо-религиозный принцип всегда лежит в основе фундаментального выбора цивилизации, являясь как бы структурирующим *геном*, располагающим ее уклад в достаточно четкой и определенной конфигурации. И хотя современное *неоязычество* – это *религия отказа от* настоящей *религии* (ибо последняя по самой своей сути предполагает превозможение наличного несовершенного человека, идеал восхождения его к высшей ступени бытия), оно формально не теряет «религиозного» качества (*religio* – соединяю), связующего социум и его членов в единый преобладающий тип и склад, в одну систему ценностей.

Локомотив глобализации, путь которому – и на всех парах – открыло поражение СССР в холодной войне, крах планово-социалистической системы, принес в Россию и капитализм, и свое корыстное геополитическое задание, и стандарты гедонистически-потребительского общества (а они играют особенно вовне, *на вынос*, агрессивную роль, обессиливающую, деградирующую местное общество и культуру). И во всем этом надо разобраться. С одной стороны капитализм, рыночное общество вполне соответствуют взгляду на себя как на наиболее *натуральный* экономический строй, основанный на первично-природных инстинктах человека: утверждение своего «я», своей самости, эрос собственности, борьбы, в которой побеждает сильнейший, стремление продлить себя в детях, наследующих плоды вашего труда и стяжательства... Одним словом – это уклад *по мерке* человека, умело эксплуатирующий его умения и таланты, страсти и пороки, фобии и компенсации, и оттого гибкий в своем балансировании, сильный в своей неустойчивой устойчивости.

С другой стороны, идейные критики и ниспровергатели капитализма обнаруживают в нем тенденции к отчуждению человека, фетишизации вещи, к стандартизации труда и человека, наконец, к торжеству массовой культуры, созидающей легкий вкус к бездумному развлечению, к чувственному комфорту, а то и к растлению, наркотизации сознания... И обе стороны правы – и то, и это в нем сосуществует: инстинктивная естественность и *зверобожие*, но и механистическая отрегулированность, изощренная манипуляция сознанием всех и каждого, приводящая к созданию человека внедренных, умело отработанных реакций и вкусов, ощущаемых как «свободно» выбранные, – при особо тщательном погашении в нем метафизических забот и беспокойств, любого порыва к онтологическому восхождению. Принципиально не пестуясь, духовное зрение и

дерзание (как важнейший дар, оправдывающий библейское указание о создании человека «по образу и подобию Божию») вообще не открываются: не востребованные, они скукоживаются в атрофированный отросток. Это и есть пресловутое господство бескрылого буржуазно-мещанского духа, обеспложивание стихийно-творческих, религиозно-трансцендирующих энергий в человеке, которое так ужасало уже первых критиков капитализма, западных романтиков, русских славянофилов, Герцена и Достоевского... Пожалуйста, борись, хитри, развивай те или иные умения, научные и культурные таланты, бесцельно играй, уходи в свои фантазии и виртуальность, сладко забывайся или лучше – хватай удачу, не оглядываясь на отставшего и упавшего, превосходи себя – но только в плане прагматического, временного земного успеха!

Кстати, вспомним, как в цехах, за станком, на конвейере перемалывали, да и перемалывают до сих пор недавнего крестьянина с его космическим мироощущением, природосообразным типом труда, врожденной *экологичностью*, традиционной моралью, превращая в придаток к машине, в «нормализованного» работника, как называл его «железный Гастев», один из крайних пролетарских идеологов инженерно-конструкторского подхода к самому гегемону, превращаемому в «социальный автомат». В его построениях ярко обнажается генетическая связь капитализма со своим врагом и близнецом – пролетарским социализмом, втиснувшем более мягкие и *умные*, умеющие при всем при том потакать человеческим слабостям и страстям, тенденции первого в жестко-аскетический тоталитарный каркас. Ни с кем так отчаянно не боролась пролетарско-социалистическая идеология, как с крестьянством, его «стихийностью», «неорганизованностью», религиозной «мистикой», с тем *лучшим*, что было в идее и практике капитализма – с его священным правом собственности, инициативы, личной заинтересованности в труде и его результатах... А вот отчуждение человека, механистическая стандартизация труда и сознания, те негативные стороны капитализма, на которые так метко указывали идеологи научного коммунизма – Маркс и Энгельс – парадоксально воцарились в исторической попытке реализации их идей.

Сама революция и последующее строительство нового общества были отмечены наступлением индустриальной, городской цивилизации с ее духом рационализма и секулярности на одно из традиционных обществ, основанное на большей связи с природой и космосом, на вековом крестьянском укладе, нравственно-религиозных, общинно-родственных ценностях. Интересно, что советский период с его пафосом реконструкции, индустриализации, бурного американизма пятилеток стал одним из наиболее ударных и успешных продвижений мирового процесса западной модернизации, профанирующей секуляризации аграрно-религиозных стран и регионов. (Не забудем, что и идеи материалистического социализма, марксизма были восприняты с Запада, правда, их пересадка в особую национально-психологическую почву прошла не без мутаций.) Своеобразие советского периода индустриального цивилизаторства огромной крестьянско-христианской страны заключалось в методах: делать предполагалось не западным долгим путем на основе экономических закономерностей, а авральнo-штурмово, на идейном энтузиазме, на нравственно-взнуздываемых стимулах и частично – на дешевом рабском труде заключенных. Такая цивилизаторская задача, да еще решаемая в невиданно сжатом, на пределе сил темпоритме, требовала особой одержимости, аскетизма, редукции человека до эффективного работника – всё для дела, ничто не щадится: здоровье, личная жизнь, существование других. И вот, штурмуя реки, строя ДнепрогЭС или Магнитку, покоря сопротивление материи, строители как будто разыскивают какой-то цитадели высшего блага, берут бастион окончательного счастья, чуть ли не «земного рая» (все это прекрасно передано литературой эпохи). Здесь была какая-то так и неосознанная тогда подменная эйфория. И была она недолга. Нравственно-энтузиастические стимулы работали в целом значительно хуже *нормальных*, быстрее девальвировались.

Но как ни парадоксально, советский период со всеми его тенями и дефектами (террором, тоталитарным единомыслием, гигантоманией круглых цифр, в которой исчезал конкретный человек, рабским трудом Гулага...) вряд ли должен так уж презрительно третироваться нынешним либеральным лагерем. Этот период приблизил его идеалы и цели: вестернизацию России, сход ее со своих традиционных путей. Правда, индустриализация сделала СССР военной сверхдержавой с угрозой экспансии коммунизма по миру, что было совершенно неприемлемо для Запада. И нынешний западный штурм России производится уже более адекватными для нового скрыто-колониального этапа глобализации методами, а потому и более радикальными, сносящими подчистую национальные достижения: промышленность, науку, образование... Россия прошла искус тоталитаризма, сейчас проходит искус «свободы», что окажется разрушительнее – еще вопрос... Достаточно зорко взглянуть на ту критическую, скрыто и открыто угрожающую истерию, которая поднялась сейчас на Западе по поводу России, как только она стала делать первые движения хоть к какому-то своему государственному возрождению.

Русские религиозные мыслители дали, возможно, самый глубокий анализ причин и сути русской революции: это и «малый апокалипсис истории» (Бердяев), напоминающий всем, насколько прекраснотушны и подслеповаты человеческие упования на устойчиво-мещанскую гармонию, уютное существование на земле в пределах *послегрехопадного* порядка бытия с его непобежденными разрушительными иррациональными силами вне и внутри человека; это и национальная катастрофа для России; и расплата за грехи и преступления прошлого режима... Мыслители эти не могли не отметить и положительные эффекты: после революции объективные процессы вынесли к культуре и творчеству широкие массы, а большевистская власть, как это ни странно, спасла саму российскую государственность. Первоначальный революционный *анархизм*, приведший огромный российский организм к развалу, деградации, чуть ли не клинической смерти, неизбежно-«спасительно» сменяется *деспотизмом*, авторитарной, тоталитарной властью, которая становится тем мучительным, даже бесчеловечным лечением, что реанимирует распавшиеся, некротические части государственного, экономического, общественного целого, чтобы встряхнуть их, динамизировать, оформить, пусть жестоким образом, в новое могучее целое.

Неужели и сейчас после новой революционной встряски, нашествия, пожалуй, еще более тонких и опасных вирусов, вошедших в плоть и дух страны, угнетающих и разлагающих ее, в ситуации прогнозируемых реальных и не столь уж дальних угроз чуть ли не исчезновения ее с карты мира в своем нынешнем, пусть и усеченном, целом, мы обречены лишь на повторение былого «тоталитарного» опыта, может, пожарно и сработавшего, но, увы, ненадолго и с залогом исторической расплаты?! И не попытаться ли иначе – вырваться таки из дурной бесконечности и порочного круга русского исторического рока: «ходить побираться под чужими окнами», по выражению Ивана Ильина, непрестанно заглядывая и оглядываясь на другие цивилизации, идеологии, пути развития, прежде всего западные, американские, будто бы самые передовые, объективно-неотменимые, лакомые и обещающие издалека, но жестко сдирающие народную шерсть и кожу при своем приближении и внедрении. Вряд ли необходимо живописать ту же нынешнюю живодерню для одних, захлопнувшуюся западню дешевого растления, крутого эгоизма и цинизма для других, элитный фестиваль жизни для немногих – всё это перед нашими глазами, тысячами страшных, шокирующих и наглых историй и цифр ежедневно валится на страницы газет и журналов, экраны телевидения и радио!

Общепризнанно, что время классического индустриально-капиталистического общества уже проходит, грядет постиндустриальный его этап, когда сфера собственно материального производства, оставаясь фундаментом общественного процветания, уходит со своего центрального места. Я уж не говорю о труде физическом, по удовлетворению основных жизненных потребностей человека (в еде, жилище, одежде и т. д.), который Лев

Толстой считал основой народной нравственности, – его ценность девальвирована до низменной, почти презренной деятельности, перекадываемой в глобальном мире большей частью на маргинальные слои – мигрантов, страны третьего мира, куда уже уверенно записывают и нас. Глобалистский «естественный отбор» готов спокойно отсеивать неприспособленные, упрямо-«отсталые» народы, экономики и культуры, перерабатывая их в безличный этнографический материал для выполнения всяческих низких, грязных, непристижных функций старых и новых космополитических конгломератов. Зато ново-империалистически поощряется отток лучших научных сил, интеллекта, знания и умения (взращенных природным национальным талантом и прежней системой образования) куда-нибудь в Силиконовую долину, западные университеты и исследовательские центры.

Но встает один вопрос. Уже с ролью России и в славянском мире покончено – тот весь, кроме пока Белоруссии, радостно влился в орбиту нынешних гегемонов – США и объединяющейся, секулярной материалистической Европы. И тем не менее Запад, так вроде мирно и комфортно устроившийся, своей военной организацией плотно-плотно, близко-близко подходит неуклонно к России и методично обкладывает ее. На какой такой неотступно стоящий в его сознании, иррациональный случай угрозы с ее стороны? И, похоже, не успокоится до тех пор, пока не расчленил большую (бывшую великую) Россию на десяток, а то и другой мелких, немощных, уже окончательно марионеточных образований. Откуда такое недоверие, подозрительность, импульсы отталкивания, скрытой враждебности как у зверя одной породы перед лицом другой? Почему боятся России? Когда она уже раскрыла свои широкие объятия западному принципу жизнеустроения, да еще с таким перехлестом, без всякой страховки, когда, вроде, совсем положили ее на лопатки, раздели от собственных национальных идеалов, когда народ ее массово растлевался законом капиталистических джунглей, грубыми приманками секса и бросового удовольствия и массово же вымирает от паленой водки, наркотиков, нищеты и болезней, миллионами бросая ненужных никому детей на улицу, на панель, на подпитку криминала... Чего, казалось бы, бояться перед такой бессильной, полуиздыхающей гигантской тушей с разложившейся армией и негодными ракетами, как любят злорадно и презрительно рисовать поверженную «империю»? Неужели не всё еще вытоптали, выгладили соросовские программы обучения, гранты, работающие на внедрение западных ценностей, и что-то может вдруг пробиться, зафонтировать, освежить народ *водой живой* надежды и цели, и встанет он со *своей*, незаемной головой, своей душой, своей заветной думой и волей к ее осуществлению? Да, похоже, что боятся скрытого потенциала некоего идеологического, ценностного коленца, *чреватости* чем-то неожиданным в недрах и лоне «загадочной русской души», как бы иронически ни кривились теперь перед этим штампом, недаром же некогда *свежо* родившимся в восприятии иностранца.

Похоже, что по большому метафизическому счету, существует два типа человека. Один, целиком вписанный в практическую посюсторонность, на полном и единственном *серьезе* внедрен в нужды, заботы и удовольствия *мира сего*, спокойно-фатально принимает его природно-смертные законы. Потребительское общество выросло на почве явления, которое было названо *буржуазностью*, причем, в широком смысле, учитывающем не только понятные социально-экономические, но и психологические и прежде всего духовно-метафизические, или точнее а-метафизические ее измерения. Дух буржуазности, мещанства, демократизировался, разлился по всем слоям общества и достиг своего торжества, сложив определенный стиль жизни, тип поведения, утвердив свои ценности, свое оправдание существования. Он – исключительно *отмирен*, его *потолок* упакован без просвета в реальности высшие, в дерзание к *небу*. Мещанин в таком философско-герценовском понимании ампутировал в себе главное метафизическое качество человека, его духа – *трансцендирование*, перерастание себя. Везде, куда проникает буржуазно-мещанский дух (а с глобализацией он проникает всюду), он подрезает крылья настоящему духу, порыву и прорыву в более высокую онтологическую

реальность: если взять лишь область культуры, то идею и задачу преобразования самой жизни и человека он забьет эстетизмом, «искусством для искусства»; метафизическое беспокойство и воистину новое творчество – постмодернизмом, иронически жонглирующим деконструкциями и симулякрами... Идейный вектор этого духа – всё временно и относительно: великие созидательные философские идеи *обезврежены* их, так сказать, библиотечным статусом (как один из элементов чистого знания, приличествующего образованию), религиозные установки и идеалы заключены в оторванную от мира частную *территорию* личной веры и права на свой путь сугубо индивидуального спасения. Буржуазно-мещанский дух может дышать и в консерваторе, и в либерале, и в революционере, и в нигилисте..., у него тысячи обличий – социальных, философских, «религиозных», но за всеми ними – один неоязыческий, анти-эволюционный выбор.

Обратимся теперь ко второму типу человека – тот, при такой же, как у первого, естественной причастности к условиям и требованиям земного бытия, чувствует себя в них значительно более неуютно, несчастно, глубинно трагически, не принимая их как окончательные и должные. Такой человек живет в духовно динамическом, *натянтом* пространстве, где работают два полюса – и земное *здесь и теперь* и трансцендентный зов к лучшей природе, к «новому небу и новой земле». Собственно только такой человек и может быть назван *религиозным*, душа которого – «христианка», даже если он и вовсе не исповедует никакой религии. Тогда как и объявленное исповедание оной, и обрядовое прилежание может быть лишь традиционно-благочестивым «бантиком» к жизненному платью первого, по сути *безрелигиозного* типа.

Так вот, в своих размышлениях над русским национальным характером отечественные мыслители, отмечая его антиномии (анархизм, мятежность, анти-буржуазность и покорность, терпение, консервативная инертность; свободолюбие, аполитичность и государственность, бюрократизм; мессианская всечеловечность, жертвенность и почвенничество, национализм; богоискательство и воинствующий атеизм...), все указывали на одну доминанту русской души, которая и относит ее к этому второму, метафизически ориентированному типу: ее устремленность к абсолюту, к последним временам и срокам, к Царствию Небесному, где находит воплощение чаяние всеобщего спасения, обоженной природы человека и мира. Наряду с другими религиозными мыслителями Лев Карсавин подчеркивал не просто *абсолютность* русского идеала, но и самое главное – сознание того, что «идеал лишь тогда ценен, когда целиком претворим в жизнь...». «Или всё, или ничего» – так определял дилемму русского максимализма Евгений Трубецкой, предостерегая против ее опасностей. Такой тип сознания, действительно, подвержен разного рода роковым срывам и извращениям (аукающимся в самой русской истории): провал промежуточных, историко-культурных звеньев, идеи *постепенности*, творчески-созидательного эволюционного возрастания (получить всё в миг и сразу, как страстно верили платоновские чевенгурцы). «Русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью принимает за таковой нечто совсем неподобное...», а при крушении того суррогата, в который народ вдруг усилился поверить как в такой идеал, он легко впадает в «неслыханное скотоподобие или мифическое равнодушие ко всему» (Карсавин), во «всё позволено», демонстрируя *нигилизм* как изнанку своей глубинной *апокалиптичности*.

Нынешняя ситуация идеологической пустоты, пришедшая на смену поверженного идеала (принадлежащего как раз, по классификации последователя Федорова Николая Сетницкого, к идеалу частичному и дефектному), весьма способствует этому настроению равнодушия и безнадежности. К тому же установившийся сейчас строй и уклад работает на глобалистское задание *сменить душу* России, разделяющую ее с европейско-американским миром до полного непонимания, глухого раздражения, скрытой вражды, сделать ее, наконец, «нормальной» (притом, и с корыстным прицелом *укоротить* ее и *обрезать* для практических нужд фактории-донора).

Хотелось бы сказать несколько слов о роли интеллигенции в этом процессе. Еще в известной славянофильской триаде: *государство*, *народ* («земля», по выражению Константина Аксакова), *общество*, последнее (сейчас говорят «гражданское общество») понималось как посредническая инстанция между двумя первыми, поднимающая народные интересы, чаяния, ценности на ступень самосознания, с тем, чтобы государство (власть) знало и считалось с ними. И место *общества* в таком понимании в России заняла преимущественно интеллигенция, однако не всегда и не вся стала она выразителем народного, национального самосознания. Вспомним ее роль в подготовке революционной, национальной катастрофы, пронизательно явленную авторами «Вех» и «Из глубины». И в исторически недавнем поражении России в холодной войне, в процессе либерально-капиталистической ее глобализации часть интеллигенции, и довольно значительная, сознательно и бессознательно идеологизированная недругами России, стала вольно-невольным исполнителем задания западной цивилизации, о котором только что шла речь: подменить *организмический* принцип русской души, ее духовно-генную архитектуру. Сейчас колоссальную роль играют деньги, положение, материальные блага, и за них чутко держат усики по ветру и делают *что надо*. (Конечно, всегда были и есть группы и слои *общества* честного, твердого в своих глубинно народных убеждениях, но такой интеллигенции всегда труднее всего, заталкивают ее в тень, на обочину, откуда ее идеологов и творцов могут найти и поднять часто лишь в академически изучаемую историческую память, *безобидную* для уже ушедшей актуальности.)

Это «что надо» пытается окончательно заглушить всегда живший и звучавший в русской душе метафизический зов громкими дразнениями цивилизации досуга и развлечения, гедонистической, психоделической массовой культуры, обрушившейся прежде всего на молодое поколение: рок, попса, секс, травка, ублажение сенсорных точек при приятном погашении или полном отключении сознания, культ насилия, право на убийство... Казалось бы, как распалют зоны чувственного удовольствия и ошаления, «погорячее, по-горячее», а жизнь вокруг, люди становятся... все холоднее – холодеет, жестянеет мир, самочувствие каждого, отношения людей между собой, государства, общества к ним, их к государству, истории, бытию вообще. У элитной части молодежи пестуются разум и знания прагматические, узко-профильные, *мораль успеха* – для большинства престижно существовать и действовать в не-производственной сфере (финансов, юриспруденции, политологии, сервиса, торговли), в индустрии развлечений, шика-шока...

Конечно, речь идет о преобладающей тенденции, с которой связано то новое, что ошеломляюще вошло в нашу жизнь. Здесь и энергичное, циничное племя больших и малых внутренних конквистадоров, покорителей общенародной собственности, природных ресурсов, чужих кошельков, потеснивших на обочину прежнюю советскую «интеллигентную» элиту, которая теперь роится вокруг них как держателей кормушек и центров влияния. А в каком броуновом движении, эстетической пестроте клубятся яркие актеры и паяцы, риторы политического театра, масс-медиа, раскрученные звезды шоу-бизнеса, клубных тусовок, золотой молодежи, живописные фигуры оккультных «наук» и практик!.. Но разве это всё? На мой взгляд, здоровое ядро нации живо и действует, пусть в тиши и тени, вдали от публичного *информационного поля*: есть у нас и честные труженики, сохранившие исконно народные качества русской души и отношения к миру, передающие их своим детям, и молодые, идущие под сень церковных приходов, причем деятельного толка, спасаясь там от мусорного вала массового растления, есть и ученые, ради «интеллектуальной любви к Богу», *богу* своего любимого предмета, бескорыстно служащие отечественной науке, есть и настоящие художники, политики и журналисты, есть и вечные русские искатели альтернативных путей движения вперед человека и мира... Есть уникальное духовное наследие русской культуры. Есть, наконец, та активно-христианская, активно-эволюционная мысль, часто объединяемая в понятии русского космизма, которая может и должна стать нашим русским и одновременно универсальным

ответом на идеологию и практику глобализации, представляя собой созидательно-спасительный вариант планетарного, а то и космического устройства жизни. Хотя классический период разворачивания этого философского и естественно-научного течения приходится на столетие (с первой половины девятнадцатого до середины двадцатого века), уже отстоящее от нас более чем на полвека, его адекватное и широкое усвоение еще по-настоящему не началось, а дальнейшее углубление и уточнение его новыми научными достижениями, актуально-современное синтезирование этого наследия продолжается – в силу господства совсем другого цивилизационного выбора – больше в боковых, так сказать, капиллярных, мало видимых частях культурного организма.

Русский космизм в обеих своих ветвях – активно-христианской (Федоров, Вл. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Флоренский, А. Горский, Н. Сетницкий) и натурфилософской, естественно-научной (В. Одоевский, А. Сухово-Кобылин, Н. Умов, К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский, В. Муравьев...) стоит на идее *активной эволюции*. Основываясь на безусловном эмпирическом факте *цефализации*, т.е. неуклонного роста головного мозга, *усложнения* и утончения нервной системы в ходе эволюции живых существ, приводящей к созданию человека, русские космисты делают вывод, что на человеке эта внутренняя закономерность эволюции, намекающая на некий ее идеальный телеологический импульс, не останавливается. Эволюция (или, если хотите, замысел Божий о мире и своем венце творения) выдвигает человека, наделенного *разумом*, уже не как страдательно-пассивного, а как *сознательно-творческого* агента своего дальнейшего разворачивания - и не только в уже взятом ею векторе все большего развития духа в лоне материи, но и все большего управления духом материи. Этап сознательно-активной эволюции, диктуемый требованиями разума, причем, «разума верующего» (используя выражение славянофилов), *разума сердечного*, направляемый активно-христианским идеалом, призван вести к преображенному состоянию природы человека, ныне существа еще смертного, *промежуточного*, кризисного, и природы мира, отданного стихиям разрушения и энтропии. Этот будущий преображенный порядок бытия получил различные названия: у Федоров – регуляции природы, *психократии*, у Вернадского – ноосферы, у религиозных мыслителей – Царствия Божьего, Царствия Небесного.

А теперь вернемся в современный мир, увы, гибельно далекий от сознания стоящих перед ним активно-эволюционных императивов, замечательно выраженных французским собратом русских космистов, ученым и философом Тейяром де Шарденом: «Жизнь, достигнув своей мыслящей ступени, не может продолжаться, не поднимаясь структурно выше» – за сознанием и жизнью в нынешней форме неизбежно должны следовать «сверхсознание» и «сверхжизнь». И что же мы видим? Глобализирующийся мир стоит перед лицом глобальных проблем, принявших, как известно, форму глобальных кризисов. О чем это свидетельствует? Значит эти глобальные проблемы – экологические, демографические, антропологические – решаются как-то радикально *не так*, раз доходят они до такой болезненной, чуть ли не летальной остроты. Возьмите любые работы по глобальным проблемам и кризисам, по различным сценариям будущего (где просчитываются, на деле же внедряются-навязываются, как правило, пессимистические, катастрофические варианты) – поражает, насколько они страдают фундаментальной неадекватностью своему предмету. Прежде всего подход к глобальным проблемам нередко лишен простого понимания (утверждавшегося в русском космизме), что по своей сути требуют они воистину планетарного решения, что сам их *всеобъемлющий объект* взыскует такого же глобального *субъекта* – всех землян. И касаются-то они именно натурально-бытийственных основ жизни человека: отношений его с природой (экология), с рождением и смертью (демография), наконец, главного – конечной, несовершенной, противоречивой природы самого человека (антропологический кризис), а подход к этим проблемам – лишь экономический, социальный, геополитический и начисто лишен онтологического, сущностного измерения.

Об этом измерении никогда не забывало христианство, указывая на *падшесть* человека, его *смертную болезнь*, на царящие в мире законы пожирания и вытеснения, на которых не может быть построено самоопорным человеком ничего прочного и гармоничного. А до сих пор – как впервые четко высказали Федоров и другие мыслители русского космизма – человечество никогда не учитывало этого гиблого онтологического фундамента в своих действиях в мире социальном, в своих революционных или реформаторских планах и доктринах, а уж тем более не ставило задач преобразования этого фундамента. Коммунистический рай на земле проваливается в силу мелкого, чисто общественно-классового анализа причин зла в природе человека: земные бедствия и несовершенства начисто отделялись от глубинного их источника – смерти, ставилась утопическая цель – «смертного сделать счастливым» (Федоров). Очередная обманная утопия – всеобщее потребительское, либеральное общество: потребление имеет предел в истощающихся ресурсах, и борьба за них предстоит беспощадная, а благополучная «пост-история» уже взорвалась религиозно-ценностными, цивилизационными противоречиями и террором, не говоря уже о нигилистических угрозах, таящихся в той же ожесточенной отчаянием в спасении смертной человеческой природе.

Вспомним и замечательно иронический пример из так называемого первого этапа глобализации на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, когда благодаря новым техническим и транспортным достижениям пошло ускоренное торговое, промышленное сближение стран и регионов, воспринятое многими как начало эры всемирного процветания и умиротворения. Так, в своей книге «Великая иллюзия» (1909) Норман Энджел, один из первых апологетов глобализации, «убедительно» доказывал, что в новой ситуации экономической взаимосвязанности всего мира, война окончательно теряет свою почву и становится невозможной. И это за пять лет до первой в истории по-настоящему глобальной войны, а затем до гигантских революционных потрясений, явления фашизма, второй мировой войны, невиданных массовых манифестаций зла!..

Современные психологи и социологи говорят о широком поражении самых благополучных стран (более трети населения) «ноогенными невротами» (невротами отсутствия смысла и цели жизни), «психоневротическим нигилизмом» – проявляют они себя в наркотизации сознания (забыться от бессмыслицы и неизбежной смертной бездны!), в эпидемии самоубийств, разгуле разрушения и саморазрушения... *Конец света* гнездится в недрах самого человека, отравленного смертными токсинами. Нигде так отчетливо и выразительно как в литературных, идеологических, философских концентратах не выходит наружу неотступный, неизбываемый, часто подсознательный страх смерти, ужас уничтожения «я», доходящий иногда до окончательного отчаяния, целящего уже во всё сразу и вместе: в себя, других людей, всё живое, наконец, землю, космос, весь универсум (вспомним хотя бы исповедь логического самоубийцы из «Дневника писателя» у Достоевского или теорию Эдуарда Гартмана о будущем желанном коллективном самоубийстве человечества и с ним уничтожении всей вселенной). Психологи уже исследовали механизм переноса подсознательного, полусознательного и сознательного страха смерти с себя на другого. Этот сдвиг остро ощущается в садистических актах, но он же на деле широко проявляется в самых разных эксцессах ненависти, жестокости, убийства, сотрясающих межчеловеческие, межнациональные, межгрупповые отношения. Сдвигов и переносов всегда было немало: мирной кончине в домашней постели предпочитали гибель в распалении бранного эроса, медленная агония жизни добровольно прерывалась мечом харакири, факелом камикадзе, теперь шахида в одно мгновение уносят свои и чужие жизни. И, наконец, «О, если бы со мной погибла вся вселенная!», «Всё утопить!», всё взорвать, привести к коллапсу! *Nihil, nihil* – ничто, ничто – на таком сатаническом порыве только и утоляются ожесточенно-безнадежные, обезбоженные ум и сердце, метафизически озлобленные до предела. Вот они крайние манифестации антропологического кризиса, залегающие в иррациональных глубинах секулярного, предполагаемо «разумно» устроившегося общества!

«Последний враг истребится – смерть» (1Кор.15:26) – и работа этого врага, густая трагическая тень, которую бросает она на существование сознательного и чувствующего существа, отравляя ядами безнадежности, циничного вызова, нигилизма глубины его психики, направляется никем иным, как антагонистом Бога, не зря названном «имущий державу смерти». Сейчас неистовство нести смерть другому, убивать, сеять трупы, гибнуть самому залило книги, газеты, журналы и – особенно *заражающее*, касающееся глаз, ушей, *чувствительности* множеств – теле и киноэкраны. Возьмем лишь один пример: культовый фильм «Убить Билла» – какая эстетизация убийства, превращение этого акта в красиво-жестокий, кровавый балет! Здесь особенно очевидно *смертопоклонство* современной массовой культуры, как собственно всей потребительской цивилизации, на деле поклонившейся «имущему державу смерти».

А ведь именно русская культура родила самого радикального за всю мировую историю борца со смертью. Родоначальник активно-христианской мысли, автор «Философии общего дела», Николай Федоров как раз вводит так недостающую высшую цель в историю, а также в жизнь всех без исключения людей, живших, живущих и кому еще жить в будущем, всех поголовно смертных: *истребление* этого «последнего врага», преодоление теперешней смертной, кризисной, *опасной* для себя и мира природы человека, созидание нового бессмертного статуса бытия, распахнутого на вечность космического созидания. С уяснением этой цели русский мыслитель связывает достижение наконец-то *совершеннолетия* («меры возраста Христова») родом людским, таким еще буйным подростком, играющим в свои нередко злые, отчаянные и бессмысленно-губительные игры.

Идеологи глобализации с ее реально торжествующей гипертрофией экономических интересов и целей манят новым постиндустриальным этапом развития, в котором на первое место должно выйти интеллектуальное производство – генерирование новых подходов, идей, технологий, развитие информации, доминанта *качества жизни*, но никуда не денешься – это *производство* и это *качество* по-прежнему задается ценностями потребления и комфорта, пусть и в более широком культурном ассортименте, и, конечно, далеко не для всех. Настоящее же новое качество жизни, полагающее высшую ценность в каждой человеческой личности, должно поставить целью не преходящее услаждение индивидуальных эфемерид, со своей неизбежной теневой подкладкой, а «прочное обеспечение существования» (Федоров), а это и означает расширение видовых рамок персональной жизни, а затем и ее бессмертие. Сковырнуть нынешнюю коротенькую и так легко девальвирующуюся *мораль успеха* можно лишь предложив истинно большой успех, успех онтологический – победу над старением, смертью, возвращение к преображенной жизни уже унесенных ею.

Глобальная экологическая проблема отношения человека к природе ставится мыслителями активно-эволюционной линии, по сути, в христианском духе – как ответственность вершинного Божьего творения перед природой и меньшей тварью, по слову ап. Павла, *ожидающей* «откровения сынов Божиих» *в надежде* на освобождение «от рабства тлению» (Рим. 8:19,21), как необходимость настоящего осуществления библейской заповеди об *обладании землей* и мудром *владычестве* над ее созданиями. Это *обладание* и *владычество* обращено и к разрушительным стихийным силам, потрясающим род людской в землетрясениях, наводнениях, цунами, засухах..., и к зловещим плодам неразумной, хищнической, непросчитанной человеческой активности (истощение земли, парниковый эффект, радиация и т. д.). И смерть, и стихия катастрофически касаются всех и каждого, и борьба с ними, обуздание их может и должно быть делом планетарным, не разъединяющим, а объединяющим человечество в *общем деле*. В русском космизме были проективно промыслены и конкретные пути и способы *регуляции природы*, в том числе и мирное использование войска, превращение орудий истребления в орудия спасения (как пример пророческой эффективности такого проекта можно привести современные разработки использования своего рода космического

ядерного щита как защиты от вторжения нежелательных небесных тел, могущих нести апокалиптическую угрозу жизни на земле).

Глубинный порок глобалистского фундаментального выбора особенно кричаще вылезает в вопросе о демографии: здесь рождается радикальная теория «золотого миллиарда», людоедским образом решающая проблему ограниченности земных ресурсов, оправдывающая жестокую, четко выборочную планетарную селекцию (Африку к ногтю спидом и племенным геноцидом, Россию ужать до 30-40 млн. уже спущенным каскадом депопуляции и т. д. и т. п.). Крайность – да, но сколь характерная! Как и характерен для мыслителей русского космизма другой оптимистический экстрем. Скажем, Циолковский полагал, что для исполнения огромных преобразовательных задач только на земле (не говоря даже о космосе), для освоения пустынных, горных, океанических, воздушных сред человечество должно умножиться в тысячу и более раз, до шести миллиардов. А перспективы федоровского всеобщего дела включают в себя не только увеличение населения, а значит умножение возможностей регуляции совокупным человечеством сил и энергий природы («внесение в нее воли и разума»), но и возвращение к жизни и безбрежному космическому творчеству всех ушедших. Русский космизм снимает глобальный пессимизм, лежащий в основе философии *свертывания* рода людского, гедонизма избранных (отстоять и умножить свой комфортабельный стандарт *цивилизованного* существования – урвать, насладиться, снова живем! – за счет планетарного большинства), тем, что прорывает рок земно-биосферных границ и ресурсных ограничений, выводя будущую судьбу рода людского за пределы планеты. Овладение *пространством*, новыми средами обитания, ноосферное освоение и преобразование земли, этой святой колыбели, *детского очага* сознательной, чувствующей жизни, *совершеннолетне* расширяющейся в космос и оживотворяющей его, невозможно без одновременного овладения биологическим *временем*, без радикального расширения индивидуальных рамок жизни, сознательного управления процессами жизнедеятельности организма, становящегося все более гибким, пластичным, могущественным, неразрушимым. На такую грандиозную задачу может работать только новая наука, направляемая высшей целью возвышения, эволюционной экспансии и спасения Жизни, синтезировавшая все свои отрасли и дисциплины, все творческие, идеально-проективные силы человека (искусство и религию) в едином деле практической реализации метафизических императивов активно-христианской веры.

В таком деле, буквально, лично касаящемся всех, христианский идеал доходит до своей полноты, отказывается от пассивности, от фатального понимания апокалиптических угроз (те – лишь угроза, дурной прогноз на ложный, анти-эволюционный, противобожеский выбор, а не роковой, неотменимый приговор), освобождается от «слишком человеческой», мстительной, рождающей бунтарский нигилизм идеи разделительного, не всеобщего спасения, усваивает принцип обращения злонаправленных сил и энергий в созидательные и благие, искупления носителей зла и греха, их деятельной реабилитации и преображения. И тогда от нынешней почти полной дехристианизации целых регионов, даже бывших некогда носителями и держателями веры, именно такое активное, *деловое* христианство, вступившее в новую творческую эпоху своего развития, раскрывшее универсализм Благой Вести, свой активный богочеловеческий характер, получает для себя возможность воистину мирового триумфа: вырваться к своему возрождению, более того – к тому *шествию* по всей планете, к той христианской революции душ, умов и воли, которую заповедал Христос («Шедше научите все народы...»).

Очень важно в наше время преодолеть фатум одного, единственно возможного типа развития, одного будущего, который внедряется в умы и подсознание идеологами и практиками глобализации. Современная теория самоорганизации в природе и обществе, синергетика, утверждает многовариантность направлений развития, наличие точек бифуркации, связанных обычно с кризисом системы, открывающих возможность выбора

новых путей и сценариев движения вперед. Причем, сам этот новый выбор и прозреваемые его результаты, так сказать *зов* грядущего, начинает определять настоящее, как бы вводит своего рода предопределение в процесс. Вот отчего так важен сам рефлекс высшей благой цели, выдвигаемой русским космизмом – ее даже теоретическое для начала освоение обществом начнет реально действовать как направляющий, эволюционный фактор.

Когда в свое время Вернадский описывал складывающиеся условия и материальные предпосылки перехода в XX веке к ноосфере, он указывал, казалось бы, на многое из того, чем отличается нынешний глобализирующийся мир: *вселенскость* человечества, освоившего для себя всю биосферу, заселившего всю землю, вплоть до самых труднодоступных мест, преодоление пространственно-временных барьеров между частями и уголками планеты, быстрые, эффективные средства передвижения и сообщения, обмена информацией, связывающие землю в единое целое, прогресс науки, созидающей общеземной мозг, омассовление истории, социальной жизни... Рождение ноосферы – процесс планетарный и объективный, и его, казалось бы, можно в чем-то совместить с глобализацией. Ведь и «сфера разума», искусственная оболочка биосферы, радикально преобразуемая идеями и проектами, трудом и творчеством человека, вовсе не столь уж гармонична, разумна, несет в себе те же кричащие противоречия, что и строящий ее несовершенный, смертный человек. Но в том-то и дело, что ноосфера, существующая *как факт*, отлична от истинной ноосферы, ноосферы *как идеала*, предполагающего по меньшей мере «господство человека над внешней природой и господство в самом человеке сил разума над низшими инстинктами» (Вернадский). Главное для русского ученого – точная, созидательная коррекция объективного процесса ноосферизации и планетаризации, которую должны внести в него идеал, цель и реализация сознательно-активной эволюции. Но где до постановки и решения таких онтологических задач нынешней неолиберально-рыночной глобализацией, разве есть в ней то важнейшее предусловие создания ноосферы, выдвинутое тем же Вернадским, которое он определил как *единство* человечества, признание равноценности всех людей, утверждаемой им как глубинно природный факт?!

Объединение мира, внедрение эталона «открытого общества» сейчас идет по сути ради скрытой корысти трансатлантических корпораций, кому необходим свободный доступ к источникам энергии и дешевой рабочей силе; здесь же действует единообразная удавка «прав человека», часто вовсе не приложимых в западно-манипулятивном их виде к целым большим регионам с другими вековыми религиозными и культурными традициями и ценностями. А ведь прикладывают и с каким напором, выкручивая руки непокорным архаистам, забрасывая отработанные социальные технологии по соблазнению главным образом молодежной массы... Глобалистский прогресс, диктуясь дефектным, если не идеалом, то заданием, сгущает тени, изнанку человеческой природы, усиливая в поле *низшей свободы* душевный хаос человека, а-моральные, а то и преступные его импульсы. И тогда антиглобалистский отказ от такого прогресса, от космополитического рыночного диктата, опора на традиционные натуральные основы и ценности, мультикультурализм... – такой «ретроградный» выбор кажется более сохранно-нравственным, избегающим сатанически-изоощренных извращений разума и поведения, как то происходит в глобалистском «авангарде». Часто «отсталость» лучше, глубже, органичнее, человечнее (божественнее), чем безудержное предполагаемое *вперед* на ложных путях.

Однако по-настоящему продуктивно противостоять процессу глобализации вряд ли получится через островки местной автаркии, самозамыкания в своих этнических, культурных нормах и ценностях. Нынешней неолиберальной, индустриально-экономической, секулярно-неоязыческой глобализации необходимо противопоставить проект еще более глобальный, планетарный и космический – реализацию идеалов ноосферы, активного христианства. Глобалистский человек в своем культе экономической эффективности тяжелой корыстной пятой вытаптывает материальное лоно народных

культур, стирает красочное разнообразие национальных физиономий, мировосприятий, логик. А вот планетарному, ноосферному человеку, ставящему онтологические задачи регуляции стихийных смертоносных сил, совершенствования человеческой природы, ее восхождения к бессмертию, это богатство и разнообразие необходимо – что делать в зоне творческой вечности стандартизованному, одномерному индивиду?! Ноосферный человек берет себе в естественные союзники народное мироощущение, где уже на уровне освященного быта и труда, мифологии и фольклора проявлялись та же глубинная космичность миропонимания, то же соединение *жизни* и *эстетики*, та же идея активности человека в покорении пространства и времени, в борьбе со стихией и злом (вспомним хотя бы с детства известные образы ковров-самолетов, молодильных яблок, мертвой и живой воды, замечательные *проекты* сказочной народной мечты).

Контраст идеалов глобализации и ноосферы ярко выступает в их, с одной стороны, игровом (несовершеннолетнем), иллюзорно-эфемерном, с другой же – в серьезно-религиозном отношении к жизни, человеку, истории. *Игра, человек играющий* утверждается как чуть ли не самое изысканно-эстетическое употребление жизни, к чему в последнее десятилетие прибавилась еще массово культивируемая азартная, опустошающая карманы и души игромания и особенно опасный соблазн (прежде всего для молодых) ухода в мир виртуальности, вытесняющей, заменяющей реальность. Это грозит созданием какого-то нового типа человека, атрофирующего в себе те восприятия и качества, что были востребованы самой эволюцией: внимание к объекту, распахнутость на мир, подлежащий познанию и изменению, а тут – какая-то инволюция, уход в себя, в фантазии, наркотически-игровые иллюзии, безразличная отрешенность от действительности. Активно-христианский и ноосферный идеал, рожденный и разработанный в России, напротив, предполагает переход от мира секуляризованного с его ценностной относительностью, враждой ко всему абсолютному, от цивилизации принципиально *вне-космической*, игровой, стоящей на приятии смерти и оттого вполне допускающей и даже ожидающей где-то в более-менее дальнем горизонте фейерверк всеобщей гибели, к утверждению смертоборческого сознания, могущего объединить всех людей земли, к *религиозизации* мира, *освящению* всей жизни и спасительного для каждого космически-преображающего дела.